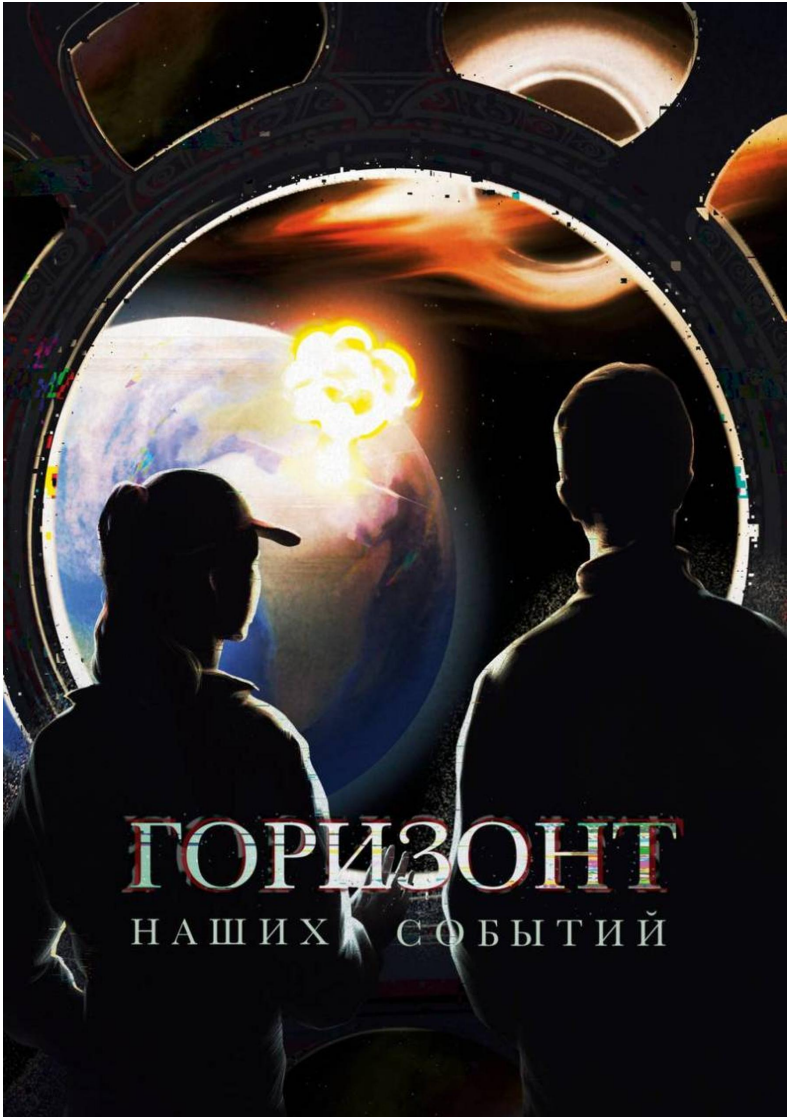

ГОРИЗОНТ
НАШИХ СОБЫТИЙ

Вадим Дворничен
Горизонт наших событий

https://litres.ru/74995239
SelfPub; 2026

Аннотация

2150 год. Человечество нашло способ красть ресурсы у себя из прошлого, без потерь для самих же себя. Но как оно и бывает, жадность и невежество взяло вверх.

Человечество живёт своё лучшее время, все страны объединились в одну конфедерацию, научились производить искусственную пищу и вроде бы это то самое светлое будущее. Но цена такой жизни будет безумно дорогой. Ведь ради настоящего, в жертву идёт, и прошлое, и будущее.

Пилот Максимилиан Де Грут не знает об этом. Как и все. Это скрывают все государства в конфигурации. Он пытается выжить в мире, где как-будто ему нет места. Где он не знает чего он хочет и по большей части просто существует. Ради любви к девушке из опасной семьи он идет на сделку с совестью, которая заканчивается очень и очень трагично для него, её и всей её семьи.

Но настоящий ад ждет его когда он станет пилотом для испытаний по путешествий во времени. Он должен помочь исправить ошибки не только всех людей, но и отдельных людей, не изменяя события прошлого.

Содержание

Глава 1 "Конец" 4
Часть 1 «Конец и начало наших историй» 4
Глава 2 "Танец" 12

Вадим Дворничен
Горизонт наших событий

Глава 1 "Конец"

Часть 1 «Конец и начало наших историй»

— Знаешь, Макс… — тихо начала Алиса, не отрывая взгляда от панорамного иллюминатора. — Когда мы улетали, я думала, что мы поступаем правильно. Что мы просто спасаем свои шкуры.

Она помолчала, сжав кулаки так, что побелели костяшки. За стеклом, в абсолютной черноте, висела Земля. Где-то в глубине корабля равномерно гудел реактор — единственный звук, напоминавший о жизни в этой холодной металлической коробке.

— А сейчас я смотрю на это и понимаю, что мы просто сбежали. Оставили их там. Разбираться с тем, что они сами же и натворили. Они думали, что играют в казино. Думали, что могут обхитрить систему, сорвать джекпот и остаться в плюсе. Но есть вещи, которые не обманешь. Время, напри-

мер. Оно всё равно заберёт своё. Всегда.

Голос её стал глухим, почти шёпотом.

— И самое страшное сейчас — это даже не то, что они сделали. Самое страшное — это то, что будет дальше. Когда у людей заканчивается надежда, они ищут виноватых. Кто-то один, самый отчаявшийся или просто кретин, может решить, что проблему можно решить кровью. Просто взорвать всех, кто не согласен. И знаешь, что самое ужасное? Если он это сделает, за ним пойдут другие. Те, кто умнее. И тогда… тогда это будет настоящий конец.

Она замолчала и наконец посмотрела на Макса. В её глазах не было паники. Только тихая, ледяная обречённость.

— Я очень надеюсь, что мы ошибаемся. Что никто не будет настолько глуп. Но… я уже ни в чём не уверена.

Светлые волосы Алисы выбивались из-под черной кепки, которую она, казалось, не снимала даже во сне. Бледная кожа, острые скулы, плотно сжатые губы и внимательные светлые глаза. Под левым глазом темнела небольшая родинка. В ней странным образом сочетались юная хрупкость и какая-то взрослая, недетская собранность. Казалось, она слишком рано научилась прятать страх за маской холодной отстраненности. На ней была простая, практичная одежда: куртка, закрывающая тело, крепкие ботинки. Никаких броских деталей.

На другом конце комнаты стоял Макс. Он облокотился на стену и сгорбился, уставившись в пол. Каждый вдох отдавал

тупой болью в боку. Ножевой крест, вырезанный прямо над сердцем, горел так, словно его прижигали раскаленным железом. Из-за того, что он напрягал мышцы лица, свежие раны открывались вновь. Капли крови скатывались по щекам, смешиваясь со слезами, и падали на металлический пол. Ярко-алые, почти неестественные на фоне серости. Как краска. Он хотел стереть их, но руки не слушались.

В голове снова и снова всплывал хриплый голос, полный безумия: «Где она, Макс? Где моя девочка?». Вспышка фантомной боли пронзила висок. Макс мотнул головой, отгоняя воспоминание. Пытка закончилась, но её эхо осталось в костях.

Не сказать, что его лицо навечно было изуродовано, но ближайшее время красавчиком его точно не назовёшь. Он был чуть выше Алисы, но высоким ростом никогда не славился. Зато имел брутальное и мужественное лицо. Конечно, не сейчас. Сейчас его лицо было просто ужасно. Макс был в белой футболке, в штанах от рабочего комбинезона и в тяжелых ботинках. Ещё пару дней назад эта футболка была чистой, но теперь она превратилась в грязное напоминание о недавних пытках: пятна пота, пыль, засохшая грязь. Но на груди, там, где под тканью скрывался бинт, крови не было.

Макс вытер лицо рукавом и подошёл к Алисе:

— Как долго мы уже здесь?

— Вроде уже сутки прошли. А ты в свою очередь около часа стоял и просто смотрел в пол.

— Из-за того что давно не спал, начинаю отключаться на ровном месте. Но и заснуть точно не получится. И боль адская во всём теле.

— Так, мы уже столько тут стоим и думаем, как решить настолько глобальный конфликт — тире — катастрофу, и всё не можем ничего придумать. Давай мы немного отвлечёмся, и я тебе как раз залатаю раны, — предложила девушка.

— Ты умеешь лечить такие раны? — спросил парень.

— Блин, ну я же вроде как учёный-стажёр и дочь великих учёных, что-то и о медицине знаю. Например, как регенерируют клетки.

— Ладно. Где тебе будет удобно это делать?

— Пошли в медпункт, там должен быть андроид, отвечающий за лечение на этом космическом корабле.

— Пошли, — тихо и угрюмо сказал Макс.

Двое единственных людей на корабле отошли от большого панорамного иллюминатора. Из него была видна наша планета. Иллюминатор имел интерфейс программы спутникового слежения, и при желании герои могли следить за тем, что происходит в конкретных зонах планеты.

Они прошли по узкому коридору, освещённому всё теми же мерцающими лампами. Корабль казался вымершим. Ни гула шагов, ни голосов — только они, тишина и металл.

Макс и Алиса зашли в медпункт. Макс стянул белую футболку. Под ней обнаружился пропитанный кровью бинт,

прикрывавший ножевую рану в форме креста прямо над сердцем. Всё его тело было изуродовано недавними пытками: синяки, ссадины, свежие швы. Ткань футболки на груди пока оставалась чистой.

Макс лёг на процедурную кровать, а Алиса села за компьютер, чтобы настроить андроида, который будет проводить операцию.

— Знаешь, я бы провела операцию сама, но я просто никак не смогу сделать это сейчас. Я не в том состоянии, — начала говорить девушка.

Алиса уставилась в монитор, её пальцы дрожали, когда она вводила команды. Было видно, что она еле держится. Макс молчал. Он привык переживать всё внутри себя, стиснув зубы, а Алиса выплёскивала это наружу. Но сейчас обоим хотелось просто исчезнуть.

— Всё, готово. Сейчас он запустится и начнёт операцию.

Закончив настраивать робота, Алиса оттолкнулась от компьютера ногами. Кресло было на колёсиках. Она встала и вышла из комнаты, чтобы снова посмотреть на иллюминатор. В то же время из зарядной станции вышел медицинский робот. Он был невысокий, с маленькими смешными глазками-сенсорами. Рядом с местом, где лежал Макс, было устройство, куда вставал робот. Устройство его закрепляло, и он мог спокойно левитировать по всей комнате. Само устройство было прикреплено к потолку.

Андроид только приготовился лечебным лазером обраба-

тывать раны, как неожиданно раздался оглушительный хлопок. Свет мигнул и погас. На долю секунды гравитация исчезла, и Макс схватился за койку, чтобы не улететь. Когда вспыхнули тусклые красные аварийные лампы, заливая комнату зловещим багровым светом, он вскочил. Схватив белую футболку, он натянул её на ходу.

— Да быть такого не может! — истерично крикнула Алиса и побежала к иллюминаторам.

Макс бросился за ней. От резкого движения рана на груди вспыхнула болью. Он почувствовал, как бинт мгновенно пропитался кровью, и на белой ткани расползается алое пятно. Но он не остановился. Сейчас это было неважно. Робот-медик застыл с поднятым лечебным лазером, его глазки погасли, превратившись в тусклые стекляшки. Еще секунду назад он должен был зашивать раны Макса, а теперь просто висел в воздухе, бесполезный кусок металла.

Макс и Алиса встали оба у окна и просто с ужасом смотрели на то, что происходило на Земле. Это был ад. Может, конец света, а может, и апокалипсис, или даже всё вместе.

В космосе нет звука. Поэтому первое, что они увидели, была не пощечина, а вспышка. Она родилась на ночной стороне Земли — ослепительный, болезненно-белый стежок, прорезавший облачный покров. Это не был огонь в привычном понимании. Это было крошечное солнце, вспыхнувшее там, где его не должно было быть. Сначала — лишь точка ярче любого земного города, но за долю секунды она расцвела,

выжигая в сетчатке голубовато-фиолетовый след. Ударная волна пошла от эпицентра, как от брошенного в воду камня, но вода была из облаков, а рябь — из воздуха. Идеально ровное кольцо, расширяясь, сминало и рвало атмосферу, оставляя за собой безмолвный, вывернутый наизнанку горизонт. Сверху это не выглядело как «гриб». Это напоминало гигантский, уродливый цветок, раскрывшийся в одночасье — пузырь раскаленного газа и пыли, который пробил облачный слой и пополз вверх, к самой границе космоса. Внутри этого купола свет был настолько ярок, что казался плотным, почти осязаемым. Это был ядерный взрыв на территории южной Европы.

Рентгеновское излучение и облако плазмы от взрыва встретились с магнитным полем Земли и родили невидимую волну. ЭМИ. По корпусу корабля словно провели гигантским статическим зарядом. Мониторы, показывавшие гибнущую Европу, вспыхнули белым шумом, а затем по ним поползли рваные полосы — те самые глитчи, которые преследовали их всё это время.

Макс смотрел на это, и в груди что-то оборвалось. Он знал, что должен что-то сделать. Пилот, который привык всегда находить выход из любой передряги, — он должен был действовать. Его руки сами потянулись к пульту.

— Связь с Землёй, — бросил он, хотя голос звучал глухо. — Нужно узнать, что там.

Он нажал на сенсор, но экран лишь мигнул и остался тём-

ным. Он попробовал ещё раз, затем ещё, уже с силой ударяя по клавишам. Ничего.

Алиса не отвечала. Она просто смотрела на экран, где сквозь помехи проступала черная, выжженная рана на месте знакомых берегов Европы.

— Нет, — тихо сказала она, и в её голосе не было паники. Только пустота. — Просто мы больше не хотим это видеть.

Макс замер, его пальцы застыли над пультом. Он хотел сказать, что они ещё могут что-то сделать, что нужно попробовать восстановить системы, долететь, помочь. Но слова застряли в горле. Он посмотрел на Землю, на этот медленно расползающийся синяк, и понял, что любое его действие сейчас — это просто шум в вакууме.

Он медленно убрал руки от пульта и откинулся в кресле. Впервые за долгое время он чувствовал себя не пилотом, который привык всегда находить выход. Он чувствовал себя просто свидетелем. Макс опустил взгляд. На его белой футболке, прямо над сердцем, расплывалось красное пятно. Кровь. Она казалась почти такой же яркой, как вспышка на далёкой планете.

Единственное, что с ужасом сказала Алиса, было:

— Сглазила…

Глава 2 "Танец"

Мон-Сен-Мишель расположен на северо-западе Франции, в Нормандии, в огромной песчаной бухте, где река Кюснон впадает в пролив Ла-Манш. Это гранитный островок, возвышающийся над плоской равниной, которую дважды в сутки затопляет прилив. Вода здесь отступает на километры, обнажая зыбучие пески, а затем возвращается с невероятной скоростью. Из-за этого остров веками был доступен только во время отлива, а во время прилива превращался в неприступную крепость. Именно эта природная изоляция и сделала его идеальным местом для бала в масках: никто не мог покинуть остров, пока вода не отступит.

Прилив начался в девять вечера. Вода сомкнулась вокруг острова, отрезав его от материка, и Мон-Сен-Мишель превратился в крепость, плывущую в чёрной пустоте. Древние стены, которым было почти тысячу лет, поднимались из воды, как спина спящего чудовища. Казалось, время здесь остановилось — несмотря на то, что на дворе стоял май 2150 года, остров оставался таким же, каким его видели паломники и рыцари столетия назад.

Над аббатством вспыхнули первые фейерверки. Они рвали ночное небо на части — ослепительно-белые, золотые, багровые. Их отблески падали в воду, и казалось, что море горит. Грохот разрывов эхом отскакивал от каменных стен,

смешиваясь с музыкой, доносившейся из главного зала. Это была не просто музыка — это была симфония, написанная специально для этого вечера. Тяжёлые басы виолончелей, пронзительные скрипки, и где-то на грани слышимости — электронные пульсации, напоминающие о том, что мир давно изменился.

Узкие улочки, поднимавшиеся к аббатству, были залиты светом тысяч гирлянд и факелов. Их пламя дрожало на ветру, отбрасывая на древние камни пляшущие тени. Воздух был пропитан запахом морской соли, воска и дорогих духов. Гости в масках — мужчины в строгих смокингах, женщины в длинных платьях, расшитых серебром и золотом, — медленно поднимались по каменным ступеням. Кто-то шёл парами, кто-то сбивался в шумные группы, кто-то стоял в стороне, потягивая шампанское из высоких бокалов. Их голоса сливались в единый гул, в котором тонули отдельные слова. Смех, звон бокалов, обрывки фраз на французском, английском, итальянском. После объединения мира в Конфедерацию языки никуда не исчезли, но английский преобладал сильнее, чем когда-либо. Впрочем, здесь, на этом празднике, люди специально переходили на французский — так было модно. Так было правильно.

Маски скрывали лица, но не могли скрыть напряжение. В каждом движении, в каждом взгляде чувствовалась игра. Здесь были те, кто пришёл блистать — женщины в платьях от кутюр, мужчины с часами, стоимость которых превышала

бюджет небольшого города. Были те, кто пришёл плести интриги — они стояли у колонн, тихо переговариваясь и оглядываясь по сторонам. И были те, кто просто хотел забыться в этом ослепительном безумии — раствориться в музыке, вине и танцах до утра.

Макс прилетел на этот фестиваль на общественном летательном аппарате «Avis». Он стоял у окна, слушая болтовню двух девушек позади — рыжей в дурацком парике, который, казалось, прилип к её голове, и брюнетки в умных очках, которая переписывалась с кем-то в виртуальном чате, не отрывая взгляда от пустоты перед собой.

— Слышала, что наше дефиле сместили почти в самый конец? Просто ужас какой-то, — жаловалась рыжая, поправляя парик. — Это последний раз, когда я прихожу. Этот праздник с каждым разом меня всё больше огорчает!

— Да ты как будто только плохое и умудряешься видеть во всём, — возразила брюнетка, не отрываясь от чата. — Мы же уже пятый год на него ходим, и ты почти каждый раз на что-то жалуешься. Хотя мы стабильно забираем награду за лучший исторический образ. Хотя мы не ездим сюда вампирами или дворянами.

Макс не вслушивался. Он смотрел на приближающийся остров и чувствовал знакомое, привычное чувство. Он выглядел дорого и элегантно: синий жилет, белая рубашка с закатанными рукавами, брюки, маска и часы на запястье. Удлинённые волосы были уложены назад. Он знал, как вы-

глядеть в таких местах. Знал, как двигаться, как держать бокал, как улыбаться так, чтобы это ничего не значило.

Когда аппарат мягко приземлился и двери открылись, Макс шагнул в шумное море огней, музыки и масок. Это был не просто фестиваль. Это была ежегодная традиция, которая началась больше века назад, когда молодёжь решила, что новый век нужно отметить дважды и с какой-то особенностью. С тех пор каждый год 31 мая богачи со всего мира слетались на Мон-Сен-Мишель, чтобы на одну ночь притвориться аристократами из старых французских романов.

Дресс-код был строгим, но не обязательным. Кто-то надевал смокинг, кто-то — классический костюм вампира, кто-то — плащ с высоким воротом. Но маска была обязательна для всех. У кого-то она закрывала лишь часть лица, у некоторых — всё лицо целиком. В этом была своя прелесть: ты мог быть кем угодно. И никто не узнал бы тебя, даже если бы ты стоял с ним плечом к плечу.

Макс радостно начал смотреть, что такого преподнесёт праздник на этот раз, но радость быстро куда-то улетучилась. Вместо неё появилась какая-то грусть. Он смотрел на роскошных людей, которые пришли на мероприятие в роскошных костюмах — с друзьями, со вторыми половинками, целыми компаниями. Они смеялись, держались за руки, о чём-то шептались. И ничего из этого не было у него.

Макс всегда, приходя на такие мероприятия, гулял сам по себе. Иногда находил себе компанию на время праздника —

случайных знакомых, таких же одиночек, как он. Но на этом всё заканчивалось. Утром они расходились в разные стороны, и он снова оставался один. Он хорошо умел вести диалог, но начать его первым — уже нет.

С этой грустной мыслью он поднялся по лестнице к главному залу аббатства. Подходя к входу, Макс увидел зону, где находились курильщики. В толпе он заметил знакомый силуэт — подругу, которая стояла в одиночестве и раскуривала свой курительный аппарат. Макс стал подходить к ней. Заметив его, она ему улыбнулась и глазами позвала к себе. Она была в полтора раза выше Макса, но разница в росте их ничуть не смущала. У неё были длинные тёмные волосы, сама она была одета в элегантное платье, которое идеально сидело на её высокой фигуре.

— Макс-брат! Привет! Как приятно тебя тут видеть! — сказала девушка.

— Юлиана-брат! Как мне приятно видеть тебя тут! Думал, что если ты и придёшь, то будешь там, где вип-зона. Где подобающие тебе.

У этих двоих была такая особая дружеская связь, из-за чего, невзирая на возраст и пол, они друг для друга были братьями. Макс подошёл к девушке, и они крепко обнялись. Юлиана ему в который раз предложила покурить, а он в который раз отказался. Он принципиально не курил. У них завязался тёплый дружеский разговор.

— Ну что, уже есть пара, с кем можно было бы танцевать

всю эту ночь? — дружески флиртуя, спросил Макс.

— Брат, уже как бы есть, и, кстати, он один из организаторов этого бала! Представляешь, как мне повезло! Поверить не могу просто, он подошёл ко мне… — радостно делясь, говорила Юлиана.

Макс уже не слушал её. Ему было очень одиноко. Он не понимал почему. Он находился с близким человеком, но не мог рассказать ему про своё внутреннее одиночество, и от этого он становился ещё более одиноким и отстранённым. Юлиана не звалась бы для него «братом», если бы не чувствовала своего «брата» прямо как родного.

— Брат, я же вижу, что тебе грустно слушать мои рассказы о моём кавалере. Хочешь, я помогу тебе с поиском кого-нибудь? — спросила девушка.

Макс вздрогнул. Ему стало противно. Не от неё, нет. От самого себя.

Низкая самооценка? Может быть.
Неуверенность в себе? Определённо.
Желание это исправить? Безусловно.
Храбрость сделать первый шаг? Нету.

Он выдавил из себя улыбку.

— Спасибо, Юль. Я сам. Правда.

И в этот момент прогремел очередной фейерверк — самый громкий за вечер. Двери главного зала распахнулись с такой силой, что ударились о каменные стены.

На пороге стояла девушка. От неё буквально веяло злостью. Она была одета в тёмную мантию с глубоким капюшоном, из-под которого виднелся глубокий вырез платья на груди и дорогое ожерелье. Бледная кожа, готический макияж, огромные зелёные глаза и светлые кудри.

Не глядя ни на кого, она прошла мимо курильщиков в самый дальний, отстранённый угол у забора, встала и просто уставилась на тёмный океан. Достала из ридикюля сигару, золотую зажигалку и закурила.

Проходя мимо, она на долю секунды пересеклась взглядом с Максом.

Это длилось всего мгновение. Её глаза — злые и отчаянные. Его — грустные и одинокие.

Внутри у Макса что-то оборвалось. Словно кто-то выдернул штепсель из розетки, и весь шум праздника — музыка, смех, фейерверки — на секунду стал ватным и далёким. В груди разлилось странное тепло, а по позвоночнику пробежал холодок. Он смотрел, как она стоит у забора, и впервые за весь вечер забыл о том, что он здесь одинок.

— Брат, либо ты подойдёшь к ней прямо сейчас, либо мы в последний раз в этом году общаемся, — сказала Юлиана Максу.

Ему возразить было нечего. Да и не хотелось. Ничего внутри него самого не останавливало. Девушка успела закурить настоящую табачную сигару. Такого не было ни у кого на празднике, да и в принципе это было очень непопулярно.

Настоящий табак и дым от него. Возможно, именно поэтому она выбрала место в самом дальнем углу. Мало кому такой запах приятен, но Максу, пока он шёл к ней, этот горьковатый аромат странным образом придал сил. Вдохнув его, Макс немного успокоился — идти к такой девушке было одновременно страшно и легко. Он всё-таки подошёл.

— Бонжур, мадам, — сказал Макс и тут же почувствовал лёгкий стыд от того, что решил использовать именно такое приветствие.

— Бонжур, мсье, — игриво улыбнулась девушка.

Макс завис. Вблизи она была ещё более необычайно красива, но дело было не только в красоте. В её взгляде было что-то такое, от чего он вдруг почувствовал себя мальчишкой. Глубокий, замораживающий взгляд женщины, которая знает о жизни больше, чем он.

— Папироску, может быть? — с лёгкой издёвкой предложила она.

— О нон, мон ами. Не курю, — ответил Макс.

— Тогда что хотели, если не стрельнуть сигарету?

— Да вот увидел, как вы ярко, словно гром, выходите из бального зала. Что-то случилось?

— Да, очень даже случилось, — девушка затянулась сигарой, задержала дым в лёгких и выдохнула. Она явно хотела сказать что-то колкое, но её губы неожиданно дрогнули, и по щекам потекли слёзы.

«Что делать?» — запаниковал Макс. И тут ему в голову

пришла только одна мысль. Да, именно что обнять её. Он не знал, как правильно, но не боялся попробовать. Он поднял маску на лоб, подошёл к ней и аккуратно, медленно, стараясь не трогать ничего, кроме плеч, крепко, но не сильно обнял девушку.

На удивление, она не сопротивлялась и позволила себя обнимать. Сигару она хотела положить на забор, но в итоге та просто упала. Все, кто был рядом, с удивлением смотрели на эту ситуацию. Юлиана и вовсе стояла в шоке. Слишком резко для тех, кто знал друг друга не больше минуты.

Она успокоилась, сама отстранилась от объятий и сказала, глядя на Макса потекшей от слёз тушью:

— Фух, ну ты, я хочу сказать, дерзкий и наглый малец.

— Мне двадцать один, — улыбнулся Макс. — Это всё объясняет.

— А мне двадцать пять, — ответила она. — И это тоже всё объясняет.

У Макса было ещё юное лицо, но теперь он вдруг остро ощутил эту разницу в четыре года. Она казалась ему недосягаемой.

— Наглый, но попавший прямо мне в сердечко, — увидев, что сигара упала, девушка махнула рукой и наконец сказала, что случилось. — Мои младшие сёстры, оказывается, приехали на этот, извини меня, еб… — в этот момент с оглушительным грохотом взорвался фейерверк, на секунду заглушив окончание слова, — …ий фестиваль! Найдя себе ко-

го-то на бал ещё задолго до самого бала. А я как дура приехала, думая, что это будет бал, где мы семьёй проведём время. Только семьей. И теперь я по сути одна. На всём балу. Сёстры с кавалерами, отец новые связи наводит. Ко мне, конечно, подходили всякие принцы, но все они такие стрёмные… ужас просто какой-то. Вот бы кто-нибудь нормальный предложил потанцевать…

«Слишком уж очевидный намёк, но почему бы и да», — подумал Макс.

— Мадемуазель, разрешите ли вы пригласить вас на танец на зависть каждому принцу, что здесь присутствует, и вашим сёстрам? — уже явно флиртуя, сказал Макс.

Она была чуть ниже его ростом, и в качестве ведущего в танце ему будет удобно. Она улыбнулась, и в этой улыбке впервые за вечер не было ни капли злости.

— Ну так уж и быть, гарсон. Я согласна! — радостно сказала девушка и неожиданно для него взяла его за руку и потащила в зал, где проводился бал.

Последнее, что он успел увидеть, — это серьёзное лицо Юлианы, которая показала ему одобрительный жест вслед.

Они вошли в главный зал, и на секунду Макс ослеп. Свет сотен свечей, преломлённый в хрустале люстр, рассыпался по стенам радужными бликами. Под сводчатым потолком, увешанным гобеленами, кружились пары. Музыка — тяжёлая, тягучая, с электронными пульсациями — обволакивала, как вода. Макс почувствовал, как Настя сжала его руку.

— Не бойся, — шепнула она, и в её голосе впервые не было злости. — Просто следуй за мной.

Она взяла инициативу на себя. Её движения были уверенными, отточенными. Макс, привыкший контролировать всё в воздухе, здесь, на паркете, вдруг почувствовал себя неуклюжим. Но она вела его — мягко, но настойчиво, и через несколько тактов он поймал ритм. Их шаги совпали. Её рука в его руке была тёплой, а взгляд — глубоким, как омут.

— Ты неплохо держишься, — сказала она, и уголок её губ приподнялся. — Для мальца.

— Мне двадцать один, — напомнил он.

— Я помню.

Они кружились, и Макс постепенно перестал замечать окружающих. Только её глаза, только её дыхание, только этот ритм. Он даже не заметил, как её пальцы на его плече чуть расслабились, и она едва заметно кивнула кому-то за его спиной.

И тут же её рука исчезла. Макс моргнул — перед ним стояла та же девушка в тёмной мантии с капюшоном, с тем же готическим макияжем, с теми же зелёными глазами. Но что-то было не так. Волосы. Они были заплетены в косу, а не распущены.

— Смена партнёра, — улыбнулась она, и голос был чуть выше. — Так принято.

Макс не успел ответить. Музыка подхватила их, и он закружился с новой партнёршей. Она была чуть ниже, чуть

тоньше, и двигалась не так уверенно. Он повёл её, и она подчинилась, но что-то в её манере было незнакомым. Он посмотрел на неё внимательнее — и увидел под слоем готического макияжа юное, почти детское лицо. Сестра. Младшая.

— Ты ведь не она, — сказал он, скорее утверждая, чем спрашивая.

— А ты догадливый, — хихикнула она, и в этом смехе не было ни капли той горечи, что у девушки, с которой он пришёл.

Они сделали ещё несколько па, и тут его плеча коснулась другая рука. Он обернулся — перед ним стояла ещё одна девушка в такой же мантии, но с короткой стрижкой. Вторая сестра.

— Моя очередь, — сказала она, и в её глазах плясали весёлые искорки.

Макс понял, что это игра. Сестры менялись местами, и он, как в калейдоскопе, видел перед собой то одну, то другую. Он начал искать свою даму взглядом и наконец нашёл её у колонны. Она стояла, скрестив руки на груди, и наблюдала за ним с усмешкой. Их глаза встретились. Она чуть приподняла бровь, словно спрашивая: «Ну что, справишься?»

И тут что-то в нём щёлкнуло. Он больше не хотел быть ведомым. Он хотел вести.

Макс отпустил руку младшей сестры, сделал шаг к колонне, где стояла его пара, и протянул ей руку:

— Мадемуазель, вы позволите?

Она усмехнулась, но вложила свою ладонь в его. И как только их пальцы соприкоснулись, он понял, что это она. Настоящая. Тепло её руки, её взгляд, её дыхание. Всё встало на свои места.

Музыка сменилась. Теперь это был вальс — быстрый, стремительный. Макс повёл. Он больше не думал о шагах. Он просто чувствовал её, и она чувствовала его. Они кружились, и зал вокруг них начал затихать. Пары останавливались, гости оборачивались. Свет свечей, казалось, стал ярче, а музыка — громче, хотя оркестр играл вполсилы. Весь зал смотрел на них.

Макс не видел никого. Только её. Её размазанную тушь, её улыбку, её глаза. Он вёл, и она следовала, и в этом танце было что-то большее, чем просто движение под музыку. Это было признание. Это была искра, которая вспыхнула между ними там, у забора, а теперь разгорелась в полную силу.

Они сделали последний поворот, и музыка стихла. Они замерли посреди зала, тяжело дыша, глядя друг на друга.

Тишина длилась секунду. А потом зал взорвался аплодисментами.

Макс поднял глаза и увидел, что у колонны стоит мужчина в маске с золотой инкрустацией. Отец всех сестёр. Он смотрел на них внимательно, и в его взгляде не было ни злости, ни радости. Только холодный расчёт. Рядом с ним стояли две сестры, и на их лицах было написано изумление пополам с восторгом.

Партнёрша наконец отдышалась и посмотрела на него.

— Ну что, малец, — сказала она тихо, так, чтобы слышал только он. — Ты, кажется, только что произвёл впечатление на моего отца.

Макс усмехнулся, всё ещё держа её за руку.

— Это плохо?

— Это зависит от того, что он теперь захочет с тобой сделать.

Она не отпускала его руку. И он не отпускал её. А музыка уже играла следующий вальс, и пары снова начали кружиться, но для них двоих этот вечер только начинался.

К ним подошёл мужчина. Он был высокий и крупный, статный, с сединой на висках и аккуратной причёской. Мужчина был одет в белый смокинг.

— Экселент, мон фис! Чудесный был танец! Настенька, познакомишь меня со своим кавалером? — спросил мужчина. Он говорил очень спокойно, своим низким, но басистым голосом. Его голос был невообразимо красив, а речь — чёткой.

— Папа, это человек, который меня поддержал, когда я… убежала от вас. Походу, моё имя он узнал только что от тебя, а его я пока не знаю. — Настя посмотрела на Макса, ожидая, чтобы он что-нибудь ответил.

Макс увидел этот взгляд и протянул руку:

— Сэр, я Максим.

— Константин, очень приятно, Максимилиан, — с

небольшой подколкой сказал Константин и пожал ему руку.

— О нет-нет, просто Макс.

— Что ж, Макс, а это мои дочери. С Анастасией ты уже знаком, моя первая и старшая из трёх. — Он взглядом показал на Настю. — Средняя дочь Виктория. — Константин показал рукой на девушку с косой. — И младшенькая Люси. — Он показал на девушку с короткой стрижкой. — Это мои самые дорогие люди в моей жизни. — Он обнял всех дочерей одним объятием. — А мы, Макс, семья Талинных. Если ты слышал про нас, то либо ты слышал восхищение, либо испуг. Мне очень интересно, что у тебя будет первым, если было.

— Ну привет, Максик, — игриво сказала младшая из сестёр.

— Привет-привет, — тоже играюще сказала Виктория, помахав рукой.

Макс подмигнул каждой из сестёр. Всем было понятно, что Макс был самым младшим в компании, и обращались с ним соответственно. Настя напряглась. Ей хотелось заслонить Макса от этих шутливых, но хищных атак своей семьи. Она сделала шаг вперёд, оказавшись чуть ближе к нему, словно защищая.

Прямо перед тем как могло настать неловкое молчание, Константин сказал:

— Макс, ты хорошо ладишь с моей дочерью. При желании приходи сюда же через двадцать минут с Настей, я вас про-

пущу в вип-зал, и там познакомимся поближе.

— Хорошо, буду рад! — сказал Макс. Он до сих пор не понимал, что значили слова про восторг и страх.

— Отлично, — спокойно сказал Константин и ушёл наверх.

Сёстры разошлись кто куда. Кроме Насти. Она осталась с Максом. Небольшой стресс был у обоих, пока происходил диалог. Настя подошла к Максу, поставила руку на его плечо и сказала:

— Мы с тобой сейчас пойдём покурим по сигаретке из пачки, которую я откладывала на особый момент. И ты не сможешь мне отказать.

Когда тебе говорят такое таким повелительным тоном и таким тёплым, уже сроднившимся голосом, отказать просто невозможно. Какие бы принципы ни были. Макс сам не понял, как согласился.

Выйдя на улицу и вернувшись к той точке, где они познакомились, Настя достала из ридикюля закрытую бело-красную пачку настоящих сигарет, открыла её, достала две штуки и одну дала Максу. В любой другой момент он бы даже не подумал, но не сейчас. Что-то действительно особенное было в этом моменте, и без сигареты тут как будто было просто не обойтись.

Он засунул сигарету в рот. Настя зажигалкой подожгла свою и ею же прикурила сигарету Макса.

— Тяни! — сказала девушка.

Макс действительно впервые в жизни затянулся. Подержав немного дым внутри себя и выдохнув, он сказал:

— Либо момент такой, либо я прирождённый курильщик, но ничего, кроме удовольствия и успокоения, я не чувствую.

— Видишь, а говорил, что не куришь. Закурил прям как миленький. Знаешь, единственный способ получать чистое удовольствие от сигарет — это курить их только когда хорошо. Когда плохо — не надо. Сама полчаса назад так делала, но это скорее на автомате. Всё в правильных дозах — лекарство, а если ещё и душа счастлива, то тело само залечит даже самую страшную рану.

— Быстро привыкну к ним?

— Считай, уже привык. Ведь ты уже начал, уже затянулся.

В любой другой ситуации он бы пожалел о своём выборе, но только не сейчас. Он сделал ещё одну затяжку, более глубокую и уверенную, но тут уже от непривычки начал сильно кашлять, так, что слёзы выступили на глазах.

— Ну вот, а такая романтика была, — сказала Настя.

— Блин, прости за это.

— Мерд, — сказала Настя.

Макс вопросительно посмотрел на неё.

— Мы же во Франции, поэтому вместо «блин» сказал бы «мерд», — договорила девушка.

Макс ничего не ответил, просто улыбнулся и продолжил учиться курить сигарету.

— Спасибо, что оказался в такой неожиданный и нужный

для меня момент. Не знаю, чтобы я делала без тебя сейчас. Может, просто скучала или обкурилась бы до блевотни, — неожиданно призналась Настя.

— Знаешь, ты вообще-то тоже спасла меня от одиночества на балу. Когда ты начала рассказывать, что у тебя случилось, я думал, ты мою проблему описываешь… Эх, как же всё-таки иногда здорово получить нужного человечка в нужный момент. Это прям настоящее счастье, — договорил Макс.

Настя с удивлением слушала его. Ведь она думала, что у него проблем с парой нет. Ведь он стоял с девушкой. И Настя решила отблагодарить его. Выкинув сигарету, она обняла Макса со всей силы и страстно поцеловала в щёку.

— Ну что, ещё по одной? — уже точно влюблённый Макс согласился, и уже молча они выкурили ещё одну сладкую сигарету.

Они докурили вторую сигарету в молчании. Дым растворился в ночном воздухе, смешиваясь с запахом моря. Настя затушила окурок о каменный парапет и посмотрела на Макса.

— Ну что, пошли? Отец не любит ждать.

Они направились обратно к аббатству. У входа в курилку, в тени арки, стояла Юлиана. Она прислонилась к стене, скрестив руки на груди, и смотрела на них с выражением, которое Макс не сразу смог расшифровать. Что-то среднее между восхищением и тревогой.

— Макс, на минуту, — сказала она, и это был не вопрос.

Настя напряглась, но Макс коснулся её плеча.

— Я догоню, — тихо сказал он. Настя закатила глаза, но отошла на пару шагов, делая вид, что разглядывает гобелен на стене.

Юлиана отвела его в сторону, подальше от любопытных ушей. Её лицо в свете факелов казалось старше, чем обычно.

— Я видела танец, — начала она. — Ты молодец. Правда. Я не ожидала, что ты так быстро решишься. И что она… оттает. Но теперь слушай меня внимательно.

Она сделала паузу, словно собираясь с духом.

— Ты знаешь, кто её отец?

— Константин. Глава семьи Талинных, — ответил Макс, вспомнив слова, сказанные у лестницы.

— Не просто глава семьи. — Юлиана понизила голос до шёпота. — Он один из самых влиятельных людей в мире. Чёрный рынок технологичных деталей, редкоземельных ресурсов, оружия — всё это проходит через его руки. Он не просто криминальный авторитет. Он — тень, которая стоит за половиной корпораций, включая, возможно, и Vita Longa. Никто не знает, где заканчивается его бизнес и начинается политика.

Макс молчал.

— Я говорю это не для того, чтобы напугать тебя, — продолжила Юлиана, и в её голосе появилась искренняя забота. — Я говорю это, чтобы ты был осторожен. С ней. С ним. С

его сёстрами. Они играют по другим правилам. И если ты окажешься в этой игре, пути назад может не быть.

Макс посмотрел на неё. В её глазах была тревога. Настоящая, не наигранная.

— Спасибо, Юль, — сказал он тихо. — Я понял.

— Ты понял, но всё равно пойдёшь, — усмехнулась она. — Я вижу это по твоему лицу. Что ж, по крайней мере, теперь ты знаешь, на что подписываешься.

Она хлопнула его по плечу и исчезла в толпе.

Макс вернулся к Насте, которая ждала его у входа.

— Всё в порядке? — спросила она.

— Да, — ответил он, и это было правдой. Но что-то внутри него изменилось. Теперь он знал, с кем имеет дело. И это знание не отпугнуло его. Наоборот, разожгло любопытство.

Вип-зал находился на верхнем ярусе аббатства. Они поднялись по узкой винтовой лестнице, и Макс оказался в помещении, которое мало походило на древние каменные стены. Это был современный зал с панорамными окнами, выходящими на море. Внизу, за стеклом, бушевал прилив, и брызги волн долетали до окон. Внутри — мягкий свет, приглушённые голоса, запах дорогих сигар и вина.

В центре зала стоял длинный стол, за которым сидели люди в масках. Но маски здесь были другими. Не карнавальные, а скорее деловые — минималистичные, закрывающие верхнюю часть лица, но оставляющие рот открытым для разговоров и бокалов. Константин сидел во главе стола. Он снял

маску, и теперь Макс видел его лицо целиком: суровое, с глубокими морщинами и пронзительным взглядом.

— Макс, садись, — сказал он, указывая на место рядом с собой. — Настя, дорогая, ты тоже.

Они сели. Настя держалась рядом, и её рука под столом нашла его руку. Это было почти незаметно, но Макс почувствовал тепло её пальцев.

— Ты, я слышал, пилот, — начал Константин, отпивая из бокала. — И не просто пилот. Сын известного в узких кругах пилота-инженера, который тебя многому научил. Мне навести справки — минутное дело.

Макс кивнул, не видя смысла отрицать и спрашивать откуда он знает.

— А ты знаешь, чем я занимаюсь? — Константин откинулся в кресле.

— Слышал, — ответил Макс, и его голос не дрогнул. — Вы занимаетесь ресурсами. Технологиями. Тем, что нужно миру.

— Миру, — усмехнулся Константин. — Миру не нужно то, что я продаю. Миру нужно то, что он хочет. А я даю ему это. Вопрос в том, готов ли ты стать частью этого?

Макс посмотрел на Настю. Она смотрела на него, и в её глазах была тревога пополам с надеждой.

— Я готов, — сказал Макс. — Я хочу работать с вами.

— Почему? — Константин прищурился. — Деньги? Власть? Или что-то ещё?

— Всё вместе, — честно ответил Макс. — Но главное — я хочу быть там, где что-то происходит. Я устал от балов и пустых разговоров. Я хочу делать что-то настоящее.

Константин долго смотрел на него. Потом улыбнулся — впервые за весь вечер. Это была не тёплая улыбка, а улыбка человека, который нашёл то, что искал.

— Хорошо, Макс. Я дам тебе шанс. Но запомни: я не прощаю ошибок. И я не прощаю предательства. Если ты со мной — ты со мной до конца.

— Я понимаю.

— Тогда пей, — Константин пододвинул к нему бокал. — И давай наслаждаться музыкой.

Снизу, из главного зала, доносилась симфония. Она поднималась по каменным стенам, проникала сквозь пол, и казалось, что сам воздух вибрирует в такт музыке. В ней было что-то древнее и одновременно футуристичное: струнные инструменты сливались с электронными синтезаторами, создавая звук, который невозможно было описать словами. Это была музыка, которая существовала вне времени, как сам Мон-Сен-Мишель.

Макс закрыл глаза на секунду. Рядом сидела Настя. Напротив — человек, который мог дать ему всё, о чём он мечтал. И где-то внизу, в шуме бала, Юлиана, которая предупредила его об опасности.

Он сделал глоток из бокала. Вино было терпким и холодным.

Он не знал, что будет дальше. Но впервые за долгое время он чувствовал, что стоит на пороге чего-то настоящего. И готов был идти за этой жизнью до самого конца.